

История «как если бы»: методологические перспективы

В статье дается краткий обзор одного из вариантов альтернативной историографии. Описываются возможности данного подхода и его перспективы с точки зрения методологии исторической науки.

Ключевые слова: *психоистория, альтернативная история, психоанализ.*

Историческая наука имеет дело с уже завершившимся прошлым, с событиями, зафиксированными в различных источниках. Давно стало расхожим выражение «История не имеет сослагательного наклонения». Вместе с тем исторический процесс не происходит линейно и однонаправленно.

В своем развитии история человечества проходит через множество исторических развилок, на которых возможна реализация множества сценариев дальнейшего исторического действия, когда временно устанавливается неустойчивое равновесие и все порой зависит от случайных, сиюминутных факторов, обусловленных волей исторических субъектов (лидеров, партий, кланов, групп). Или, наоборот, история зачастую становится заложницей непреодолимых явлений природной стихии (климатических изменений и геокатастроф).

Ограничение исторического повествования только одной реализовавшейся альтернативой, предписываемое традиционной историографией, не позволяет учесть всего многообразия вероятностей развития и тем самым увидеть исторический факт со всех возможных точек зрения.

В диалектике случайного и закономерного традиционная историческая наука часто выводит закономерности из односторонне трактуемых экономических законов (что характерно для марксистской историографии) или из бессознательных комплексов исторических авторов (психоистория), или из характеристики ландшафтов (геополитические концепции). Возникает принципиальный разрыв между историческим познанием и естественно-научным, в котором учет вероятностей является одним из фундаментальных постулатов. История начинает писаться по заранее определенным лекалам, в результате чего создается благодатное поле для по-

литизации и идеологизации историописания, равно как и дополнительный повод для обвинения историков в отсутствии научности.

Первым этот внутренний изъян исторической науки увидел выдающийся английский историк А. Тойнби. В его наследии есть краткий этюд о том, как могла бы развиваться история Античности и всей европейской цивилизации, если бы Филипп Македонский не был убит наемным убийцей. Именно Тойнби поставил вопрос о возможности истории «как если бы». Методологически это позволило ему взглянуть на совершившиеся факты под другим углом зрения, усилить акцент на роли отдельной исторической личности. Примерно подобным же подходом руководствовался и К. Ясперс при создании своей концепции «осевого времени». Экспериментировали с альтернативной историей российские исследователи: В. Дьяконов, С. Смирнов и др. Если в качестве примера обратиться к конкретике отечественной истории, то с самых древних времен можно проследить множество сюжетов, в которых история «как если бы» была бы вполне уместна. Как развивалась бы российская государственность, не попади Русь под удар монголов в беспомощном раздробленном состоянии? Какой бы вектор развития возобладал бы: западный, европейский или восточный, прими Русь крещение не по византийскому, а по латинскому образцу?

Новейшая советская история дает еще больше сложных и запутанных коллизий. До сих пор историки спорят о случайности или закономерности развала СССР. Вышеупомянутый Тойнби писал, что историк, используя данный метод, рассматривает вначале все возможные варианты развития конкретного события, отсекая в первую очередь наименее вероятные в силу суммы сложившихся предпосылок. В результате остается несколько из

всего веера возможностей. И тогда он переходит к следствиям, обосновывая каждое из них. Часто становится ясным, что состоявшееся событие и было наиболее вероятным, но иногда выясняется, что оно явилось результатом случайности, драматического стечения обстоятельств. И в этом случае он считал полезным и поучительным рассмотреть иные возможности. Они и могут стать теми «уроками истории», о которых писали еще Плиний и Тацит.

Однако альтернативная история помимо этого таит в себе и возможности искажения и произвольного толкования фактов. В этом случае историография легко может превратиться в некую паранауку. Гарантией того, что грань между наукой и ее профанацией не будет нарушена, является профессионализм, талант и научная интуиция историка.

Еще одной опорой историка, взявшегося за альтернативные версии, является междисциплинарный подход. Полное и точное понимание исторических процессов невозможно без адекватного знания законов человеческого поведения, сформулированных в том числе и психологической наукой. Это требует включения в сферу исторического анализа содержания человеческой психики на всех ее уровнях, изучения психологии как действующих в истории отдельных индивидов, так и общественных групп. «Исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп представляет собой задачу первостепенной важности для гуманитарного знания. Здесь нащупывается богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные осмысленные идеологические системы. Без учета этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни поведения людей, группового или индивидуального» [1, с. 262]. Методологические аспекты исторической психологии были разработаны в книгах и статьях И.Г. Белявского, А.Я. Гуревича, Б.Г. Могильницкого, Е.Б. Шестопал, В.А. Шкуратова и других исследователей.

Однако, судя по опубликованным в последнее время сборникам текстов лекций, учебникам и методическим пособиям, все богатство возможностей лучшего постижения истории, предоставляемое историко-психологическим подходом, используется в вузах явно недостаточно. Особенно это относится к техническим учебным заведениям, в которых продолжает господствовать фундаменталистская методология. Каждая научная дисциплина в процессе ее преподавания огораживается от других жесткими ортодоксальными рамками и критериями. На наш взгляд, особенно пагубно это сказывается в области гуманитарного познания. В истории, в частности, недостаточно поместить некий факт в сетку хронологии, важно увидеть мотивацию его творцов и его взаимосвязь с другими явлениями.

Коль скоро история «как если бы» заостряет субъективный фактор, т.е. очеловечивает историческое повествование, то логично было бы при этом использовать методы других гуманитарных наук, прежде всего психологии. Но дозированно, как лекарство, не допуская поглощения последней собственно исторического знания. Французская историческая школа, представленная громкими именами Ф. Арьеса, Ф. Броделя, М. Блока, Л. Февра и не связанная догмами классического психоанализа, – показательный пример перспективности междисциплинарного подхода. Он позволил французским ученым создать принципиально новое направление в историографии – историю повседневности. Обыденное сознание, быт, культура, характерный для определенной эпохи и социальной среды менталитет – часто именно те необходимые условия, которые и определяют по какому направлению пойдет развитие в критический момент исторического процесса.

С другой стороны, несмотря на все свое технологическое могущество, человечество остается детищем биосферы и во многом зависит от нее даже сейчас, не говоря уже о доиндустриальной эпохе. Социально-политическая и социально-экономическая история здесь граничит с географией. Долгое время это обстоятельство учитывалось только этнологией и палеоантропологией. Все изменили труды Б. Поршнева и Л. Гумилева, по-

казавших взаимовлияние человеческих цивилизаций и геоклиматических и биологических условий. Л.Н. Гумилев во многих своих работах пишет о том, что так называемое Великое переселение народов I–IX вв., повлиявшее на весь ход истории Евразии, было вызвано изменением климата. Современные исследования ранних обществ Южной и Центральной Америк показывают, как разрушение окружающей среды может уничтожить цивилизацию. Гибель локальных культур

мая или жителей Рапануи (о. Пасхи) может служить уроком для современного глобального человеческого сообщества, рьяно уничтожающего природу [2].

Представляется вполне оправданным, что сокращение разрыва между естественнонаучным и гуманитарным познанием, а также дальнейшее развитие историографии лежат в плоскости использования новых методов познания, таких как историческая психология и история «как если бы».

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Наука, 1993. 365 с.
2. Даймонд Д. Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают / Пер. с англ. М.: АСТ, 2008. 762 с.

Davydov A.I. «As if» History: Methodological Perspectives. The article provides a brief overview of one embodiment of an alternative to the traditional canon of historiography. Describes the capabilities of this approach and its prospects in terms of the methodology of historical science. The author believes that the science of history, as well as any is not limited to mainstream and developed largely through innovative, often marginalized and interdisciplinary areas. The possibilities of new methods of historical knowledge and the «hidden dangers» of their application.

Key words: *psychohistory; alternative history; psychoanalysis.*

Давыдов Алексей Иннокентьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «История и политология» СГУПС. Научные интересы: социальная философия, философия культуры, психоанализ. E-mail: dove3@yandex.ru